

С. Б. КРИХ

О «БРИТВЕ ОККАМА» В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

ПО ПОВОДУ «ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИХ ЭПОХ» А. В. ЮДИНА*

Статья посвящена анализу и критике концепции развития исторической науки, предложенной А. В. Юдиным. Выдвижение такой концепции свидетельствует о скрыто марксистском характере развития отечественной историографии.

Ключевые слова: историография античности, методология, критика эволюционизма, тенденции развития отечественной науки.

Предлагая читателям следующие соображения, оговоримся, что их целью является не спор с точкой зрения А. В. Юдина, а размышление о тенденциях в современной отечественной историографии. Дискуссионность предложенной А. В. Юдиным схемы очевидна для любого специалиста по историографии античности, но использованные при ее построении методы и образцы мышления требуют отдельного внимания и анализа, поскольку свидетельствуют об определённом состоянии умов и о перспективах гуманитарного знания в нашей стране.

Речь пойдёт о трёх статьях¹. Все они излагают одну и ту же идею и частично совпадают по содержанию. Идея эта вкратце такова. История антиковедения может быть разделена на три историографические эпохи (доклассическую, классическую, постклассическую²), каждая из эпох делится на периоды, а между периодами и эпохами лежат переходные промежутки, называемые интервалами (они же «разрывы» или «переломы»³) или интервалами-кризисами («кризисы упадка» и «креативные кризисы»⁴). Далее к этой теоретической основе прилагается несколько общих соображений и схема развития науки. Создаётся впечатление, что концепция у автора вполне сложилась, и он подаёт её со всё большей детализацией и увлечением. Изложение подчас навевает параллели

---

* Работа выполнена при поддержке Федерального агентства по науке и инновациям, ГК № 02.740.11.0350.

¹ Юдин. 2009в.; Он же. 2009а; Он же 2009б.

² Однажды она названа «постнеклассической». Юдин. 2009а. С. 260.

³ Там же. С. 244.

⁴ Юдин. 2009б. С. 61.

с неостановимым напором шпенглеровского метанарратива: как только автор доходит до деталей, возражать по большому счёту уже нечего, глаза разбегаются от обилия странно совпадающих датировок, неоднозначных характеристик научных работ, смелых обобщений и захватывающего ощущения связанного сюжета, длящегося несколько столетий⁵. Так что основные замечания уместно делать, пока автор не устремился к деталям, а только проводит обоснование своих идей.

Обратимся к более подробному анализу используемых основных понятий: эпохи, периода, интервала. Под эпохой А. В. Юдин предлагает понимать «длительный, наиболее протяжённый этап развития научных знаний о древности, отличающийся спецификой мировоззренческих подходов большинства исследователей древности к оценке и интерпретации античности и соотношением этих подходов между собой»⁶. Кроме некоторых странностей в формулировке («отличающийся спецификой», т.е. «отличающийся особенностью»; «большинства исследователей» – т.е. остаётся ещё какое-то выведенное за скобки меньшинство), ничего, кроме того, что «эпоха» – это самый большой из этапов, мы не узнаём. Правда, автор старается конкретизировать свою мысль о сущности термина рядом пунктов: 1) это наиболее длительный этап, предполагающий деление на меньшие этапы; 2) у каждой эпохи есть собственные закономерности развития исторической науки; 3) и свой господствующий подход к изучению прошлого, зависящий от типа историзма⁷. Понимая, вероятно, что всё это мало проясняет суть дела (нам вновь сказано о специфике каждой эпохи, присовокуплён уводящий мысли от конкретики термин «историзм»), А. В. Юдин добавляет пять «устойчивых характеристик» (и одновременно критериев выделения⁸) историографической эпохи: 1) наличие определённого варианта историзма; 2) особая организация исторических исследований и преемственность их проведения (отдельные исследователи, научные школы, течения); 3) собственный комплекс подходов (надо полагать, речь идёт об исследовательской методике) к работе с источниками; 4) разная степень дисциплинарной определённости антиковедения; 5) особый тип учёного⁹.

⁵ Особенно этому ощущению способствуют хронологические таблицы. Ср.: Юдин. 2009в. С. 363-370; Шпенглер. 2006. С. 228-239.

⁶ Юдин. 2009а. С. 248; Юдин. 2009в. С. 362; Юдин. 2009б. С. 59.

⁷ Юдин. 2009а. С. 249.

⁸ Не будем даже пытаться размышлять на тему, могут ли устойчивые характеристики объекта являться критериями для его выделения: ведь получается, что мы отождествляем начало изучения (критерии) и его результат (характеристики).

⁹ Там же. С. 249-251.

Отметим сразу, что, на наш взгляд, пользуясь такими критериями, выделить историографические эпохи в принципе невозможно – а вот выделив заранее эти эпохи, под них потом можно «подогнать» указанные критерии. В неявной форме проблему с выверенностью своих критериев признаёт и сам автор: например, когда уточняет, что применительно к доклассической эпохе (XV–XVIII вв.) первые два критерия исследователи почему-то упускали из виду¹⁰ (надо полагать, не случайно). Но раз эпоха удобно названа «доклассической», то и характеристики её могут быть реализованы не полностью... так название маскирует первые же несоответствия между теорией и материалом.

Не имея возможности (и необходимости) высказать все сомнения касательно выделения трёх «историографических эпох», укажем на центральную, на наш взгляд, проблему: на самом деле, исходя из характеристик автора, речь должна идти не о *трёх* эпохах, а об *одной*. Нам ведь говорили о специфике подходов для каждой эпохи, подразумевая, что эта специфика основывается на типе мышления, несводимом к типу мышления другой эпохи. Но сами названия эпох выдают их полную несамостоятельность: первая из них – доклассическая, третья – постклассическая. Вся их «специфика» раскрывается именно на сравнении с классической эпохой. Увы, подробное описание каждой из эпох только утвердит нас в этом мнении: в доклассическую эпоху используется пока мало источников, пока нет научных школ, методы только складываются, преподавание античности в отдельную сферу ещё не выделилось¹¹. Не будем утомлять читателя последовательным перечислением того, как постепенно менялись и развивались эти характеристики от эпохи к эпохе¹². Перед нами именно эволюционная схема, а в эволюционизме, как известно, преемственность важнее своеобразия.

Рассмотрим вкратце также периоды и интервалы. Критерии выделения периода: 1) доминирование «тех или иных философских учений, определявших парадигмы мышления больших групп интеллектуалов»¹³; 2) господство в науке (страны или региона) нескольких ведущих научных направлений; 3) результативная деятельность научных школ. Не говоря о том, что критерии выделения периода не очень подходят к вы-

---

¹⁰ Там же. С. 250; 252.

¹¹ Там же. С. 252-254.

¹² Характеристика классической эпохи и вовсе сводится к бессильной констатации того, что в это время появились классические труды, «которые стали фундаментом профессионального образования любого специалиста по древней истории». Там же. С. 255.

¹³ Там же. С. 241-242.

деленным автором эпохам (какое, в самом деле, господство «ведущих научных направлений» в XVIII в.?), проблемы возникают при осмыслении уже первого (признанного автором главным) критерия.

Прежде всего, нам не объяснили, почему именно философские учения должны определять парадигмы мышления (а не наоборот). Конечно, философия, как и математика, основа всех наук и т.д., но всё же реальные и всегда однонаправленные связи между философией и историей начиная с XIX в. проследить достаточно сложно¹⁴. А. В. Юдин, скажем, полагает, что в классическую эпоху (1810–1910-е гг.) научные школы образуются и развиваются «при господстве гегельянства в самом широком смысле этого слова (включая все его методологические ответвления и варианты)»¹⁵, но насколько широкий смысл он готов придать гегельянству, чтобы всё подошло под такую схему? Большинство известных мне исследователей античного общества в XIX в. относились к теории Гегеля, мягко говоря, скептически, а значительная часть и вовсе не была с ней подробно знакома (вот и всплыла проблема «большинства»; разве «большинство» определяет характер науки и перемены в ней?). Конечно, можно заявить, что если и не все исследователи тех лет были гегельянцами, то все находились под влиянием гегельянства, были вынуждены так или иначе реагировать на него... но за такой широтой трактовок, боюсь, исчезнет любая определённости, и можно будет доказать вообще всё что угодно. А. В. Юдин, правда, обоснованно уточняет, что интерес к Гегелю возрос в 1844–1855 гг. (переходный период, «IV интервал» в его терминологии), но неужели он искренне верит, что появление «Римской истории» (1–3 тт.) Моммзена в 1856 г. имело какую-то существенную связь с переосмыслением гегельянского наследия? Конечно, определённые представления о мире, об эволюции свободы и проч. у Гегеля и Моммзена совпадают, поскольку это люди, грубо говоря, одной эпохи, но различие конкретных воззрений, обертон выскazyвания мысли, самого понимания нерва истории настолько различно, что вывести Моммзена из Гегеля можно только совершенно игнорируя то, что написано как у Гегеля, так и у Моммзена!..

Что касается второго и третьего критериев, то они слишком зависят от субъективных оценок историка науки. Далеко не всегда «господ-

---

¹⁴ Такое понимание парадигмы, кстати, противоречит и Т. Куну, на которого, ничтоже сумняшеся, ссылается А. В. Юдин. См. *Кун*. 2001. С. 17; 129. Автор вообще любит «перевербовывать» других учёных в свой лагерь. Таким же образом он ссылается на Г. П. Мягкова, чьи взгляды на научную школу мало согласуются с предлагаемой нам трактовкой. См.: *Мягков*. 2000. С. 133–157.

¹⁵ *Юдин*. 2009а. С. 255.

ство» научного направления бывает чётко выраженным, и довольно сложно оценить результативность деятельности научных школ; А. В. Юдин использует количественные характеристики (число издаваемых работ)¹⁶, но количество и качество редко связаны напрямую. Сомневаюсь, что, скажем, итальянское антиковедение второй половины XX в. представлено меньшим объёмом трудов, чем англо-американское, что, тем не менее, не сделало первое столь же влиятельным, как второе.

Примерно то же самое можно сказать и об обосновании термина «интервал». Кроме самой идеи, что один период напрямую не перетекает в другой, и между ними должен быть некоторый «зазор» смены методов и образцов мышления – мысли полезной, хотя и не новой¹⁷ – трудно представить, чтобы в своём нынешнем воплощении эта идея сколько-нибудь помогла труду историографа. Автор, судя по формулировкам, серьёзно полагает, что за 6, 8, 12 или ещё какое-то определённое число лет меняются основные характеристики антиковедческой науки во *всех* странах, где она существует, а следовательно, специфика национальных историографий им в значительной степени нивелируется. Собственно, это формулируется как историографический факт¹⁸. Мне это совсем не кажется очевидным, но тут мы уже подходим к той части рассуждений А. В. Юдина, где перед нами, с использованием немалого числа фактов, развёрнута связанная схема эволюции историографии античности, то есть то, что очень трудно оспорить целиком и полностью.

По крайней мере, мне трудно дать квалифицированный комментарий к каждому из выделенных А. В. Юдиным периодов и интервалов, во-первых, потому что развитие, нет сомнений, происходило, как происходили и «разрывы», во-вторых, потому что я не обладаю достаточными знаниями, чтобы оценить реальное значение каждого десятилетия в изучении античности на протяжении почти половины тысячелетия. Но в тех отделах историографии античной истории, в которых мои представления до некоторой степени надёжно подкреплены знакомством с материалом, у меня есть существенные замечания и недоумения.

¹⁶ Там же. С. 243.

¹⁷ См.: Савельева, Полетаев. 1997. С. 448 сл.; Они же. 2006. С. 296.

¹⁸ При этом нельзя сказать, что А. В. Юдин сам до конца определился с датами. В статье «Кризисы в исторической науке об античности (XVII – начало XX вв.)» один из кризисов (V интервал) датирован 1886–1890 гг. (С. 59, а на С. 62 период «нормального развития» датирован 1856–1887 гг.), в статье «О преподавании историографии...» тот же V интервал обозначен 1888–1900 гг. (С. 368); в этой же статье VI интервал обозначен под 1928–1934 гг. (С. 368–369), а в «Историографических эпохах...» даты – 1928–1935 гг. (С. 260). И всё это богатство трактовок – в статьях одного автора, вышедших в один год!..

Первое. Наряду с трудами по античной истории, А. В. Юдин упоминает (и вносит в таблицы) работы, затрагивающие античную проблематику отчасти или в своеобразном ключе. О гегелевской «Философии истории» уже сказано. В 1861 г. было опубликовано «Материнское право» (Das Mutterrecht) Я. Бахофена, охарактеризованное автором концепции как «начало сравнительного изучения правовых норм различных народов разных стадий истории древнего мира»¹⁹. Конечно, у Бахофена есть сравнения правового характера, но историком права его назвать чрезвычайно трудно, скорее историком мифа²⁰. Опять А. В. Юдин делает спасительную оговорку («начало»), и если даже Бахофен почти ничего или совсем ничего не внёс в правовую сторону вопроса, его теперь можно поставить в один ряд с Н. Д. Фюстель-де-Куланжем и Т. Моммзеном! В тот же классический этап истории антиковедения включено и вышедшее в 1884 г. «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Ф. Энгельса. Но работа эта (кстати, открыто популяризаторского характера) не оказала *никакого* влияния на развитие антиковедения в XIX в. Только после канонизации в советский период она была растащена на цитаты и стала фактом историографии. В общем, при внимательном рассмотрении, в схеме А. В. Юдина можно найти достаточно факторов развития, которые не играли в развитии почти никакой роли. При этом упущено и кое-что безусловно важное – на месте Бахофена и Энгельса должны были бы стоять К. Родбертус и К. Бюхер²¹.

Второе. А. В. Юдин очень прямолинейно трактует связь между развитием историографии и появлением в ней ключевых трудов. Практически каждому труду (даже многотомному, как у Э. Гиббона) в его схеме соответствует один конкретный год выхода, а многолетний труд какого-либо учёного часто сводится также к одной-единственной моно-

¹⁹ Юдин. 2009в. С. 367.

²⁰ Чтобы не быть в одиночестве, приведу слова этнолога А. Н. Максимова, написанные в начале XX в. – его как раз отличало умение вчитываться в работы и давать им меткие характеристики: «Книга Бахофена в момент её появления мало обратила на себя внимания, да и до сих пор даже многие специалисты предпочитают знакомиться с нею из вторых рук. Написана она чрезвычайно тяжело, в общих научных взглядах автора чувствуется какое-то влечение к мистике и символике, следить за его аргументацией чрезвычайно трудно, и, наконец, главный материал, положенный в основу его выводов, – древние мифы, которые он анализирует очень детально, но не всегда достаточно научно». Максимов. 1997. С. 236-237.

²¹ То, что поднятая ими проблематика очерчивает проблемное поле антиковедения и в XX в., кажется, общепринято, но, ради доказательности, сошлёмся на следующее пособие: Ляпустина. 2002. С. 9. Тем более что Бюхера А. В. Юдин всё же упоминает в другой работе, без таблиц. Юдин. 2009б. 2009. С. 62.

графии (часто выбранной произвольно), которая должна символизировать все его достижения в науке. Вот лишь немногие примеры. Цитата из схемы: «1902. “История древности” Э. Мейера. Появление нового методологического направления – “философии истории” Э. Мейера».²² Смущает ли автора тот факт, что 1-е издание «Истории древности» выходило в 1884–1902 гг.²³, и первые попытки сформулировать теоретические основания своих взглядов Мейер предпринял (что логично) в I томе, вышедшем в 1884 г.? Корректно ли вообще считать «Историю древности» источником по мейеровской «философии истории» (Мейер, кстати, тоже не принимал Гегеля²⁴), когда сам Мейер написал отдельный теоретический труд на эту тему, и только во втором издании «Истории древности» сформулировал эти размышления в I томе? Упомянутая следом «Аграрная история древнего мира» (1909) М. Вебера также не оказала почти никакого влияния на умы тогдашних антиковедов – и только потом, спустя полвека, послужила основой для теоретических построений М. Финли. Так бывает в историографии²⁵ – труд появляется, и лежит без внимания до поры до времени – так что дата его выхода, первого или второго издания – совсем не показатель²⁶.

С этим разделом таблицы (1900 – конец 1920-х гг.) и вовсе беда. Автор пишет об «У. Вилламовице-Меллендорфе»²⁷ – речь идёт об У. фон Вилламовиц-Меллендорфе (U. von Wilamowitz-Moellendorff)²⁸. «Общество и хозяйство в Римской империи» М. И. Ростовцева помечено в таблице 1928 г.²⁹ Судя по названию, речь идёт о переводе на немецкий язык «Социально-экономической истории Римской империи»

²² Юдин. 2009в. С. 368.

²³ Также в 1902 г. было только закончено (уже посмертно) издание работ по греческой культуре Я. Буркхардта. Там же.

²⁴ Мейер. 1904. С. 7, прим. 1.

²⁵ О существовании промежутка между изданием труда и восприятием в научной среде см.: Савельева. 2009. С. 302.

²⁶ Опять же, А. В. Юдин указывает на 1-е издание «Размышлений о причинах величия и падения римлян» (1734) Ш. Л. Монтескьё, но в исторической науке все пользуются вторым исправленным изданием 1748 г. Юдин. 2009в. С. 364.

²⁷ Там же. С. 368; ошибка повторена: Юдин. 2009а. С. 256.

²⁸ Может быть, двойное «л» в «Вилламовиц» появилось благодаря двойной же опечатке в учебнике по историографии античности? См.: Историография античной истории. С. 145. На С. 211 и 212 того же издания – правильно.

²⁹ Юдин. 2009в. С. 368. В другой статье указан 1929 г. Юдин. 2009а. С. 256. Изначально вина лежит на русских переводчиках с немецкого издания, перепутавших сроки окончания работы над книгой (1925 г. – над английским изданием, 1928 г. – над немецким) со сроками её выхода. См.: Тыжсов. 2000. С. 12. Этот недосмотр уже закрепился в литературе. См.: Савельева, Полетаев. 2006. С. 550, 551.

Ростовцева, который вышел в 1931 г. Между тем, совершенно непонятно, почему указано именно это издание: первое, английское («Социально-экономическая история Римской империи»), вышло в 1926 г., сам Ростовцев считал лучшим итальянское, вышедшее в 1933 г. Есть и другие ошибки или опечатки³⁰... Напомню: всё это мы встретим в программе преподавания, предложенной студентам-историкам!

Третье. Сами пояснения к работам несколько обескураживают. Кроме того, что любой хороший исторический труд вряд ли может быть охарактеризован одним-двумя простыми предложениями, сами эти характеристики нередко кажутся мне необоснованными и тенденциозными. Трудно понять, почему «Социально-экономическая история Римской империи» Ростовцева отнесена к концу «позднего классического периода», а «История Рима» (1928) Т. Франка – к «интервалу» (1928–1934 гг.) перед новым этапом развития, на основании того, что там появился некий «умеренный релятивизм». Тем самым, как ни крути, получается, что труд Ростовцева подвёл итоги позитивистского этапа, а том Т. Франка – отразил поиски новых возможностей. Но обратимся к самой «Истории Рима», что мы найдём? Франк по-прежнему уделяет роль расовому фактору в древней истории³¹ (правда, реагируя на критику, он несколько смягчает свои неосторожные формулировки, высказанные в 1910-е гг.³²), из оригинальных мыслей добавляется соображение, что если б Рим не захватывал Азию, то, возможно, избежал бы упадка³³.

Что из этого относится к «умеренному релятивизму»? Почему работа Франка символизирует поиск нового³⁴, а труды Ростовцева, на которых выросло целое поколение исследователей, и который в 1928–1934 гг. был как раз на пике популярности – отвергаемое прошлое³⁵? И

³⁰ Нет никакой возможности приводить их все, но вот то, что Г. Шлиман открыл Трою в конце 1880-х, думаю, должно стать отдельной новостью в мире археологии. *Юдин*. 2009б. С. 62.

³¹ *Frank*. 1928. P. 566-567.

³² Прежде всего, вызвала известный резонанс следующая работа: *Idem*. 1916.

³³ *Idem*. 1928. P. 566.

³⁴ Что вообще принципиально нового в этой работе Франка по сравнению, скажем, с его же «Римским империализмом» (1914)? Работа эта прекрасно известна А. В. Юдину, судя по его диссертации. Правда, специально Франком у нас не занимались, кажется, с 70-х гг. См.: *Михайлов*. 1977.

³⁵ Само возвеличивание понятия «релятивизм» до некоей сущностной характеристики исторического труда напоминает страшилки поздней советской историографии: только для неё в XX в. было необычным признание имманентной относительности знания. См.: *Историография античной истории*. С. 185. Но пусть так. Просто «умеренный релятивизм» при желании можно найти где угодно. Вот

если Ростовцев уже отправляется «на покой», то как быть с «Социально-экономической историей эллинистического мира» (1941), конечно, в таблицах не отражённой? По таблицам, с 1935 г. начинается современная эпоха, с новыми характеристиками, так что Ростовцев здесь должен выглядеть анахронизмом. Беда лишь в том, что «Социально-экономическая история...» – самый признанный из трудов Ростовцева. Вероятно, он записан в то самое неудобное меньшинство.

Дальше в таблицах увидим, что «расцвет умеренного релятивизма» – это «Римская экономика» (1974) А. Х. М. Джонса и «Античная экономика» (1973) М. Финли³⁶. Боюсь, что между Т. Франком и этими двумя исследователями нет никакой преемственности. И неужели получить клеймо «умеренного релятивиста» – это всё, чего удостоился учёный уровня Финли, всё, что должны знать о нём студенты?! Можно потратить минуты, сэкономленные на расписывании приведённой таблицы, и рассказать о споре Бюхера и Мейера, о том, как это понимал Финли, об интересе этого уникального учёного к Веберу и марксизму, о связях с франкфуртской школой, о его вкладе в осмысление проблем рабства, демократии, земельной собственности в Афинах...³⁷, и всё это можно внести в последовательный рассказ о достижениях историографии.

Примерно та же высота мысли отличает отечественные примеры. Как символ «утверждения концепции единой рабовладельческой формации со специфическими законами развития»³⁸ взята «История античных рабовладельческих обществ» (1935) А. И. Тюменева, несмотря на то, что претендентов на это место более чем достаточно, и на то, что именно работа Тюменева, несмотря на известные достоинства, в итоге затерялась среди других³⁹. А с 1956 г. в СССР происходит «становление «умеренного» марксизма и распространение его идей в мировом антиковедении»⁴⁰. Прекрасно, что «умеренный» дано в кавычках, что автор

пример (написано в 1921 г.): «Необходимо уяснить себе раз и навсегда, что идея непрерывного и бесконечного прогресса принадлежит к области тех же идей, что и идея Бога, т.е. не доказана и недоказуема, хотя и облекается современной наукой и философией в одежды научной истины». *Ростовцев*. 2004. С. 48-49.

³⁶ Юдин. 2009в. С. 370.

³⁷ Можно воспользоваться неплохой книгой: *Жарков*. 2008.

³⁸ Юдин. 2009в. С. 369.

³⁹ Возможно, всё проще: согласно учебнику, после 1934 г. завершается становление антиковедения в СССР (и очередной интервал А. В. Юдина), а первая из крупных работ по античности, появившаяся после 1934 г. – Тюменева... См.: *Историография античной истории*. С. 335.

⁴⁰ Юдин. 2009в. С. 370.

сознаёт условность характеристики, но хотелось бы знать – какой именно смысл здесь подразумевается? А какой был марксизм до 1956 г.?..

Трудно примирить все эти конкретные соображения с абстрактной схемой, уверенно прочерченной А. В. Юдиным. Более того, автор концепции, не приводя никаких доводов в пользу своих поверхностных наблюдений, ставит в тяжёлое положение именно тех, кто погружён в конкретный материал: теперь *вы* должны доказать, что это не так. Действительно, сколько мне нужно сопоставить цитат или идей из «Истории Рима» Т. Франка и «Античной экономики» М. Финли, чтобы показать, что их нельзя сопрягать как начало умеренного релятивизма и его апогей, особенно если учесть, что оба автора даже не догадывались о том, что их будут оценивать в таких терминах? Нам предлагают принять на веру и выдают за общее мнение (которое, соответственно, не требует ни проверки, ни сомнения) столько в принципе непроверяемых положений, что сама попытка их оценить требует энциклопедических знаний.

Полагаю, особенности разбираемой концепции очерчены нами теперь вполне явственно. Добавим лишь, что сам автор, признавая её возможные недостатки и отказываясь от претензий на исключительность именно такой схемы⁴¹, тем не менее считает её объективной и верит, что вскрыл суть ряда историографических процессов⁴². Кроме того, он не без оснований говорит о возможности использования этой концепции в преподавании курса историографии античной истории в вузах⁴³.

Действительно, преподавать по этой концепции можно; другое дело, что нежизнеспособность схемы и её полное несоответствие реальным проблемам историографии только запутают студентов, особенно если они потом попробуют обратиться к реальным исследованиям. На мой взгляд, концепция «историографических эпох» А. В. Юдина не помогает познавать историю исторической науки, а сама обыгрывает уже полученные знания, подогнанные ради обоснования концепции в нужном количестве и концентрации. Что нам даёт введение новой терминологии, особенно поданное на таком уровне? Мы могли увидеть, что основные понятия собственной теории не вполне ясны даже её автору (или он не умеет их ясно выразить, плодя критерии и характеристики, но мало говоря по сути дела), они мыслятся скорее интуитивно. Но есть ещё и группа «второстепенных» понятий (таких, как «классика», «умеренный релятивизм/марксизм»), без которых теория совершенно не-

⁴¹ Там же. С. 359; Юдин. 2009а. С. 248; 262.

⁴² Напр.: Юдин. 2009в. С. 362.

⁴³ Там же. С. 359; Юдин. 2009а. С. 241.

жизнеспособна – и которые, тем не менее, полностью темны для читателя. Почему это должно заменить нам понятия парадигм, моделей исследования, образа, представлений о том, что есть классическая работа, – когда над этим всем ведётся работа на совсем другом, несопоставимом уровне⁴⁴? Очевидно, что специальные труды по методологии истории совсем нелегко в адекватном виде представить в процессе преподавания, а примитивную схему – легче. Но ведь применять в образовании нужно лишь то, что можно применить в науке, не наоборот.

Но и это всё ещё частный момент. Гораздо интереснее теперь рассмотреть концепцию А. В. Юдина с некоторого расстояния. И мы увидим родовые черты, которые трудно перепутать. Сама эта концепция – то, что А. В. Юдин называет «гегельянством в широком смысле слова», а с учётом отечественных традиций и некоторых вторичных признаков – это марксизм. Конечно, не в чистом виде, но, давайте присмотримся, что же это ещё? Тотальная периодизация, пронизанная эволюционизмом, которая доказывает себя из своих же внутренних оснований, используя факты лишь как иллюстрацию; акцент сделан на особых переходных периодах⁴⁵; автор верит в реальность открытых им терминов и тенденций развития, они для него не просто конструкты, а объективная данность. Это марксистская методология, только в скрытом виде, возможно, скрытом даже от автора концепции. Не случайно автор не решился сказать ни о *своеобразии* своих «историографических эпох», ни об особой *сущности*, а выбрал невнятное «специфика» – что вполне по-марксистски, когда признаётся особенность, но только ради того, чтобы встать в ряд всеобщего прогресса, принести себя ему в жертву.

Но есть и отличия от «чистой» гегелевской линии. Самое заметное из них, пожалуй, состоит в том, что концепция А. В. Юдина предлагает логичное развитие... ничего; в смысле, что в ней всё происходит без какого-либо итога, она устремлена в будущее и одновременно в никуда. Монизм хорош тем, что в нём есть интрига, драматический подтекст. Если у Гегеля – диалектическое развитие, у Маркса – борьба избранных и обречённых, то в данной концепции – послушное перетекание одних школ и направлений в другие; здесь ничто не противостоит друг другу, а становится в один длинный ряд с общим выражением лица.

В одном из выпусков альманаха «Время мира», посвящённом проблеме периодизации в истории, Н. С. Розов призывал: периодизации –

---

⁴⁴ Корзун. 2000; Лубский. 2005; Савельева. 2009. Работы И. М. Савельевой неоднократно цитируются А. В. Юдиным, но скорее в ритуальных целях.

⁴⁵ Савельева, Полетаев. 1997. С. 450.

относительны, и мы предлагаем всем поиграть в их выдвижение⁴⁶. Может даже показаться, что это соответствует эпохе постмодерна. В самом деле, прежние периодизации изжили себя, их относительность очевидна. Так не забыть ли принцип «бритвы Оккама» и не начать ли плодить сущности без необходимости – сначала предложить как можно больше вариантов, а потом под них найдётся достаточное основание?..

Нет, ни в коем случае. Сам Н. С. Розов создал нечто очень похожее на «историографические эпохи» А. В. Юдина и на перетолкованную под влиянием А. Дж. Тойнби «пятичленку» одновременно. Всё это доказывает только одно. Сто пустых схем ничуть не лучше десятка пустых схем – среди них никогда не появится ничего полезного. Науке, зашедшей в тупик, нужны новые образцы мышления, иначе она будет плодить ложные выходы, вышивать по одной и той же канве. Прежде чем вводить новые понятия, нужно убедиться, что они действительно помогут, а не помешают... наверное, это казалось столь важным Оккаму? «Но таково уже наше время: оно одержимо страстью к терминам и в наивном самообольщении мнит, что сыпать словами – равносильно знанию»⁴⁷. Я не хочу сказать, что в предложенной концепции совсем нет полезных наблюдений и сопоставлений; не хочу сказать, что в историографии античной истории не было развития через кризисы и достижений в результате этого развития; не хочу сказать и того, что вообще не нужно пытаться составлять периодизаций и обобщений. Вопрос в качестве такой работы, а новое качество приходит только при новых и корректно согласованных подходах. Здесь же мы видим лишь новую периодизацию, но прежнюю систему мысли. Эта система мысли даже не может похвастаться своей традиционностью, поскольку уже полностью утратила то, ради чего некогда появилась на свет. Воистину, Гегелю есть от чего перевернуться в гробу: потеряна не только его цель эволюции, но и цель вообще – а эволюционизм остался.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Время мира. Вып. 2. Структуры истории / Под ред. проф. Н. С. Розова. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. 520 с.
- Жарков И. А. М. Финли и советская историография античной истории. Иркутск: Изд-во Иркутского госуниверситета, 2008. 211 с.
- Историография античной истории / Под ред. проф. В. И. Кузицина. М.: Высшая школа, 1980. 416 с.

---

⁴⁶ Время мира. 2001.

⁴⁷ Мейер. 1904. С. 10.

- Корзун В. П. Образы исторической науки на рубеже XIX–XX веков. Анализ отечественных историографических концепций. Екатеринбург: Изд-во УрГУ; Омск: ОмГУ, 2000. 226 с.
- Кун Т. Структура научных революций. М.: Аст, 2001. 605 с.
- Лубский А. В. Альтернативные модели исторического исследования / Отв. ред. Ю. Г. Волков. М.: Изд-во «Социально-гуманитарные знания», 2005. 352 с.
- Ляпустина Е. В. История Римской империи: подходы и перспективы. Методические материалы к спецкурсу. М., 2002. 13 с.
- Максимов А. Н. Избранные труды. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1997. 543 с.
- Мейер Э. Теоретические и методологические вопросы истории. М., 1904. 60 с.
- Михайлов В. В. Проблемы аграрной истории Древнего Рима в исторической концепции Тенни Франка. Автореф. дисс. ... канд. истор. наук. Чебоксары, 1977. 24 с.
- Мягков Г. П. Научное сообщество в исторической науке: опыт «русской исторической школы». Казань: Издательство Казанского университета, 2000. 298 с.
- Ростовцев М. И. Идея прогресса и её историческое обоснование // Ростовцев М. И. Miscellanea: Из журналов Русского зарубежья (1920–1939). СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2004. С. 44–58.
- Савельева И. Классика в историографии: формы присутствия // Классика и классики в социальном и гуманитарном знании. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 294–331.
- Савельева И. М., Полетаев А. В. Знание о прошлом: теория и история. Т. 2. Образы прошлого. СПб.: Наука, 2006. 750 с.
- Савельева И. М., Полетаев А. В. История и время. В поисках утраченного. М.: Языки русской культуры, 1997. 800 с.
- Тыжов А. Я. Михаил Иванович Ростовцев // Ростовцев М. И. Общество и хозяйство в Римской империи. Т. I. СПб.: Наука, 2000. С. 5–12.
- Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории: Гештальт и действительность. М.: Эксмо, 2006. 800 с.
- Юдин А. В. «Историографические эпохи» в истории изучения античности // Диалог со временем. М., 2009а. Вып. 28. С. 240–262.
- Юдин А. В. Кризисы в исторической науке об античности (XVII – начало XX вв.) // Наука и школа. М., 2009б. № 4. С. 59–62.
- Юдин А. В. О преподавании историографии истории античности на исторических факультетах // Диалог со временем. М., 2009в. Вып. 26. С. 355–373.
- Frank T. A History of Rome. New York, 1928. 614 p.
- Frank T. Race Mixture in the Roman Empire // American Historical Review . 1916. Vol. XXI. P. 689–708.

Крих Сергей Борисович, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского; krikh@rambler.ru.